

Уважаемые студенты!

Вам необходимо ознакомиться с лекцией. Сделайте конспект. Проработайте вопросы для контроля. Работы присылайте на почту: irina-ovsyannikova1959@mail.ru
По вопросам звоните: 072-105-72-11

Тема: Федор Иванович Тютчев (1803-1873)

Философская, общественно-политическая и любовная лирика Ф.И. Тютчева. Художественные особенности лирики Ф.И. Тютчева.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)

Художественные особенности лирики А.А. Фета. Мотивы и художественное своеобразие лирики А.А. Фета.

Теория литературы. Жанры лирики. Авторский афоризм.

Алексей Константинович Толстой (1817-1875)

Идейно-тематические и художественные особенности лирики А.К. Толстого. Наследия А.К. Толстого. Сатирическое мастерство поэта

Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878)

Гражданская позиция поэта. Журнал «Современник». Своеобразие тем, мотивов, образов поэзии Н.А. Некрасова 1840-1850-х и 1860-1870-х годов. Жанровое своеобразие лирики Некрасова. Любовная лирика Н.А. Некрасова. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» (*обзор с чтением отрывков*).

План.

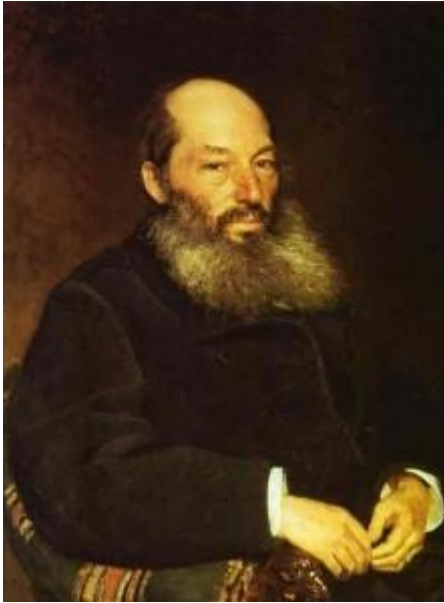
1. Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)
2. Федор Иванович Тютчев (1803-1873)
3. Николай Алексеевич Некрасов
4. Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878)

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)

Сведения из биографии.

Художественные особенности лирики А.А. Фета. Темы, мотивы и художественное своеобразие лирики А.А. Фета.

Стихотворения: «Шепот, робкое дыханье...», «Это утро, радость эта...», «Вечер», «Я пришел к тебе с приветом...».

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) был выпускником Московского университета. Именно в годы обучения в университете (1838–1844 гг.) он выпустил свой первый поэтический сборник (1840) и был признан оригинальным и многообещающим поэтом. Началом своей литературной деятельности Фет считал 1839 г., когда тетрадку его стихов прочитал Гоголь и сказал, что это «несомненный талант». 11 февраля 1859 г. Фет был избран членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (по предложению Льва Толстого, ставшего членом Общества незадолго до этого). Ниже предлагается популярный очерк о жизни и творчестве Фета, который являлся не только великим поэтом, но и, что менее известно, интересным публицистом и плодовитым переводчиком античных и новоевропейских авторов.

Стою я, овеянный жизнь иною,
Я с речью нездешней, я с вестью из рая.

А.А. Фет, «Romanzero, III» (1882)

Свою жизнь Фет как-то назвал «самым сложным романом», и у него были на то основания. Уже в истории его появления на свет есть любовная интрига и запутанный, почти детективный сюжет.

Осенью 1820 г. Афанасий Неофитович Шеншин, отставной офицер, участник войн с Наполеоном 1805–1807 гг., из Германии, где долго отдыхал на водах, привез в свое орловское имение Новосёлки чужую беременную жену. 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1820 г. в Новосёлках у Шарлотты Фёт родился мальчик. Через неделю он был крещен, назван Афанасием и в метрической

книге местной церкви записан сыном Шеншина. Согласие на развод оскорбленный Фёт дал только 1822 г.

С большим трудом родители смогли добыть ему «честную» фамилию Фёта (нужные бумаги, поскольку сам Фёт, не признававший свое отцовство, к тому времени скончался, выдал дед – Карл Беккер). Пока шла переписка, его отправили подальше от дома – в лифляндский городишко Верро, в частный немецкий пансион. Именно здесь он узнал, что отныне должен именоваться не потомственным русским дворянином Шеншиным, а «иностранцем Афанасием Фётом» (ё он заменит на е в начале 1840-х гг.).

Это была катастрофа. Юноша разом лишился прав дворянина, прав на наследство и права зваться сыном того, кого считал своим отцом, а воспитанники пансиона стали задавать ему вопросы, на которые он не знал, что отвечать.

Два года в Верро (1835–1837), по словам Фета, положили начало «жесточайшим нравственным пыткам» всей его жизни. Почти 40 лет он будет добиваться возвращения хотя бы дворянского звания и ради этого поступит на военную службу. Однако главное несчастье его жизни составит все-таки не столько лишение дворянства и связанных с ним привилегий, сколько потеря родового имени.

В 1873 г., уже известный поэт и состоятельный помещик, не имея никакой практической в этом надобности, он напрямую обратится к императору Александру II, и тогда выйдет высочайший указ о «присоединении отставного гвардии штаб-ротмистра Аф. Аф. Фета к роду отца его Шеншина, со всеми правами, званию и роду его принадлежащими». С этого момента все свои письма он будет подписывать только именем Шеншина, даже метки на столовом серебре велит переделать. Некоторые (например, И.С. Тургенев) тогда сочли это признаком суетности поэта, но для него имя значило больше, чем запись в документах. «Теперь, когда все, слава Богу, кончено, – писал он тогда жене, – ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет». Однако стихи свои он до конца дней печатал под этим «ненавистным» ему именем.

Два имени соответствовали двум образам этого человека: потомственный русский дворянин Шеншин, с юных лет преследуемый злой судьбой, и Афанасий Фет – безродный поэт, священнодействующий в храме искусства.

Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только среди поющих.

(«Член Академии больной...», 1887)

В начале 1838 г. Фета привозят в Москву для подготовки к поступлению в университет. За советом, «где и как поместить сына», Шеншин через посредника обращается к профессору М.П. Погодину, известному литератору и историку, содержавшему у себя частный пансион. Погодин поселяет Фета во флигеле своего дома, где тот, пользуясь почти полной свободой, занятия в пансионе посещает лишь по собственному желанию. Летом 1838 г. Фет успешно выдерживает вступительные университетские испытания и становится студентом.

В Московском университете Фет учился в 1838–1844 гг., сначала на юридическом, потом на словесном отделении Юношей, погруженных в свои творческие думы, это ничуть не стесняло. О том времени Фет позднее вспоминал в своей поэме «Студент» (1884):

Я был студентом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близ сада, на Девичьем поле,
Нас старики любили и во всем
Предоставляли жить по нашей воле –
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
Быть скромными – таков наш был девиз.
Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, Боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались сладки
Поэты, нас затронувшие, все:
И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе.

Аполлон Григорьев, Фет, Яков Полонский и Иринарх Введенский (трое начинающих стихотворцев и один будущий философ) составили тесный дружеский кружок. Талант Фета, начавшего сочинять стихи еще в пансионе, здесь признавался безоговорочно и служил предметом почти суеверного поклонения.

Увлекаясь романтическими поэтами («И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе»), Фет не упускал случая пощеголять демонической разочарованностью среди сверстников.

Фет, рассуждая о собственных стихах, любил подчеркивать «интуитивный характер» своих «поэтических приемов», что не могло не импонировать романтику Григорьеву. Вероятно, у них не раз заходила об этом речь, и Фет рассказывал что-то сходное с тем, как в его «Воспоминаниях» описаны первые, еще пансионских лет, приступы поэтического вдохновения

Через 50 лет именно с этого момента Фет отсчитывает начало своей литературной деятельности и в январе 1889 г. официально отпразднует свой юбилей.

В 1840 г. вышел из печати первый сборник его стихов под заглавием «Лирический пантеон» – сборник еще вполне юношеский, но литературной публикой замеченный и принятый, в общем, благосклонно «С великим участием» к его стихам отнесся профессор С.П. Шевырев, в то время один из самых глубоких знатоков и ценителей поэзии. «Он, – вспоминал Фет, – снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли».

При посредничестве Шевырева с конца 1841 г. стихи Фета регулярно появляются на страницах издававшегося Погодиным журнала «Москвитянин». Это был консервативный журнал, православный и монархический, в котором Шевырев выступал в качестве главного идеолога и ведущего литературного критика. Но с 1842 г. Фет печатается еще и в либеральном западническом журнале «Отечественные записки», где главной фигурой был Белинский. Одновременное сотрудничество в двух непримиримо враждующих изданиях было возможно только потому, что в стихах Фета политические вопросы не затрагивались и в самой малой степени.

Дрожанье фарфоровых чашек

И речи замедленный ход.

(«Деревня», 1842)

Сами ситуации, вызвавшие переживания поэта, как правило, остаются непроясненными, да это и не нужно. Вот, например, стихотворение 1842 г.:

Я жду... Соловиное эхо

Несется с блестящей реки,

Трава при луне в бриллиантах,

На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!

Другой автор поведал бы нам, пришла ли наконец возлюбленная, а Фет даже не намекнул, да и неясно, было ли свидание назначено и вообще – возлюбленную ли он ждал или падения звезды. Читатель вправе пофантазировать. Поэта же занимает само ожидание, почти физически осязаемое, вплоть до «трепета в руках и в ногах».

В 1844 г., когда Фет окончил университет, он уже обладал, пусть и скромною, но все-таки известностью в качестве поэта. Перед ним уже открывалось манившее его литературное поприще, но оно сулило только богемное существование на случайные заработки, которое не имевшего собственных средств Фета не устраивало, тем более что стихи тогда вообще были не в моде и на многое рассчитывать не приходилось. К тому же он твердо задался целью вернуть себе потомственное дворянство. Скорее всего доставить его могла военная служба, и в 1845 г. Фет поступил унтер-офицером в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии. С братьями по перу и мечтами о литературной славе на время пришлось расстаться.

В южных губерниях, вдали от столиц, со своим кирасирским полком Фет провел не многим менее десяти лет. С армейскими буднями, малообразованной средой кавалеристов и провинциальных помещиков он скоро свыкся, завоевал уважение товарищей и доверие начальства, рос в чинах и пользовался репутацией отличного служака. Но с достижением «цели» ему фатально не везло. Дважды, буквально накануне производства его в чин, дающий дворянство, законы менялись, и, чтобы получить желаемое, нужно было служить до следующего чина. Когда, уже после восшествия на престол Александра II, выйдет указ, что теперь только чин полковника может принести потомственное дворянство, дослужившийся до майора Фет бросит свой «Сизифов камень» и в 1858 г. выйдет в отставку. А

пока он закаляет волю и стоически переносит тяготы воинской службы и скитания по глухим углам, не оставляя притом литературных занятий. Правда, стихи он пишет значительно реже, чем в Москве, зато прилежно занимается переводами из латинских авторов (в основном из любимого Горация, которого начал переводить еще в университете).

К 1847 г. Фет уже подготовил новый сборник стихотворений. Из-за равнодушия публики к стихам и трудностей связи со столичными издателями три года он пролежал без движения, но в 1850 г. все-таки вышел. Изданием сборника занимался Аполлон Григорьев, распределивший стихотворения Фета по 15 разделам (в позднейших изданиях, вплоть до задуманного им перед смертью, в 1892 г., поэт будет распределять свои стихи по тем же разделам, лишь дополняя их новыми сочинениями[3]). Конечно, для литератора, отвыкшего за пять лет от внимания читателей, издание теперь уже вполне зрелого сборника стихов было огромной радостью. Но в жизни его тут же разыгралась новая драма, теперь любовная.

Где-то в начале 1849 г. он сдружился с бедною родственницей своих провинциальных знакомых – тонкой и умной 22-летней девушкой, игравшей на рояле, любившей романы Жорж Санд и стихи. Взаимная симпатия незаметно переросла в страстную, хотя и не высказываемую любовь. Фет, человек без рода и состояния, с жалованием, едва хватавшим на обмундирование, брак считал для себя невозможным и однажды, «чтобы разом сжечь корабли взаимных надежд», собрался с духом и сказал ей об этом. «Я люблю с вами беседовать, – отвечала она, – без всяких посягательств на вашу свободу». Вскоре полк перевели в другое место, они расстались, но продолжали обмениваться письмами. А летом 1850 г. она погибла ужасною смертью: от непотушенной спички загорелись постель и платье, несчастная выбежала на балкон, на открытом воздухе огонь усилился, подоспевшие на помощь нашли охваченную пламенем комнату и девушку на балконе в страшных ожогах, повторявшую по-французски: «Спасите письма». Через четверо суток она скончалась.

Вся эта история в подробностях известна только из фетовских «Воспоминаний», где девушка именуется Еленой Лариной (по ассоциации с пушкинской Татьяной, любовь которой столь опрометчиво отверг Евгений Онегин).

Стихи, обращенные им к памяти умершей возлюбленной, полны неподдельного трагизма. Исследователи выделяют особый цикл стихотворений Фета, связанных с Лазич, включая в него то большее, то меньшее их количество. Обычно в этот цикл включают стихотворения «Старые письма» (1851), «Ты отстрадала, я еще страдаю...» (1878), «Солнца

луч промеж лип был и жгуч и высок...» (1885), «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (1886), «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (1887) и ряд других.

У любви есть слова, те слова не умрут.

Нас с тобой ожидает особенный суд;

Он сумеет нас сразу в толпе различить,

И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

В 1853 г. Фету удалось добиться перевода в гвардию, в уланский полк, расквартированный не очень далеко от Петербурга. Он получил возможность часто бывать в столице и вскоре возобновил старые и приобрел некоторые новые литературные знакомства. Интерес публики к поэзии тогда оживился, а сборник стихотворений 1850 г. представлял Фета как уже вполне состоявшегося поэта, и столичные литераторы радушно приняли его в свой круг.

В 1858 г. Фет переезжает в Москву, в 1859 г. окончательно разрывает отношения с «Современником» (как, впрочем, и Тургенев, и Лев Толстой и многие другие), а потом и вовсе решает бросить городскую жизнь. Он к этому времени уже в отставке, женат на сестре Боткина Марии Петровне (с 1857 г.) и располагает некоторой суммой, взятой в приданое. Всю ее он в 1860 г. отдает на покупку хутора среди голой степи в родном Мценском уезде. Друзья-литераторы (за немногими исключениями) сожалеют о чуде.

Хутор, приобретенный Фетом, назывался Степановка. Он прибыл сюда вместе с женой в 1861 г. Перед ним были 200 десятин пахотной земли, полуразрушенный дом и ни одного деревца и ручейка вокруг. Не было и бесплатных работников: Манифест 19 февраля отменил крепостное право. Но упорства и трудолюбия поэту было не занимать, и он взялся за дело.

Тургенев, всю жизнь получавший доходы со своего имения по почте от управляющего, как-то посетил Фета в Степановке и писал не без удивления: «Он теперь сделался агрономом – хозяином до отчаянности, отпустил бороду до Зато полное сочувствие Фету выказывал другой бородатый «агроном» – Лев Толстой: «Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содействовал ей».

За 17 лет, прожитых в Степановке, Фет превратил это голое место в процветающее, доходное хозяйство с усадьбой и липовыми аллеями

В итоге Фет был освистан как челоуененавистник, мироед и – уж вопреки всякой логике – как злостный крепостник, оплакивающий старые

времена. Но журнальные бури Фета не задевали. Степановка была его дом, крепость среди общественных «непогод».

Это занятие отнимало много времени и ничего, кроме познания будничной жизни, не давало, но он видел в ней свой долг. В своей практической деятельности Фет даже находил какую-то поэзию и в одном из очерков нарисовал портрет подобного ему самому хозяина-труженника: «Я вижу его напрягающим последние умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять, во имя просвещения, которое он желает сделать достоянием своих детей, и наконец, во имя любви к делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия, почти без всяких на то средств; вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду, и даже на скирде сена непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой его, а в минуты отдыха за книгой или журналом».

В Степановке Фет начинает работу над мемуарами Много в это время Фет занимается и переводами, завершёнными в основном уже в 1880-х гг.

Собственных стихов он, однако, пишет мало и почти совсем не печатает (последний, итоговый, как думал тогда Фет, двухтомник он издал в 1863

В 1877 г. Фет продал благоустроенную им Степановку, купил дом в Москве и живописное, над склоном реки, имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии. Лето он теперь проводит здесь, а зиму в Москве. Все хозяйственные заботы переданы управляющему. И муза к освободившемуся, наконец, от житейских попечений поэту приходит немедленно – вся огнях, в лучах и молниях.

Ты вся в огнях. Твоих зарниц

И я сверканьями украшен...

(«Ты вся в огнях. Твоих зарниц...», 1886)

Под названием «Вечерние огни» Фет выпустил четыре сборника («выпуска») новых своих стихотворений (1883, 1885, 1889, 1891). Пятый он уже не спел выпустить Предназначавшиеся для него стихотворения частично и в ином порядке вошли в изданный после смерти Фета двухтомник «Лирические стихотворения» (1894), подготовленный его почитателями – критиком Н.Н. Страховым и поэтом К.Р. (великим князем Константином Константиновичем Романовым).

«Вечерние огни» – эти книжки, изданные «для друзей», и, пожалуй, лучшее из написанного Фетом.

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.
(«Как нежишь ты, серебряная ночь...», 1865?)

Поздние стихи Фета, отчасти под влиянием Тютчева, приобрели некоторую философичность, но мысль в них часто почти без остатка поглощена эмоцией, интонацией. Эти стихи, как музыку, трудно пересказать. «Стих Фета, – писал Н.Н. Страхов, – имеет волшебную музыкальность, и притом постоянно разнообразную; для каждого настроения души у поэта является своя мелодия, и по богатству мелодий никто с ним не может равняться». П.И. Чайковскому же Фет вовсе напоминал Бетховена, а не кого-нибудь из поэтов: «Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Фету действительно как будто тесно было в пределах слов. Поэтических деклараций на этот счет у него множество.

О если б без слова
Сказаться душой было можно!
(«Как мошки зарею...», 1844)

Что не выскажешь словами,
Звуком на душу навей!
(«Поделись живыми снами...», 1847)

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!

(«Людские так грубы слова...», 1889)

Одно позднее стихотворение 1887 г. целиком посвящено этой теме:

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Обойтись без слов, составлять тексты из одних звуков, подобно позднейшим модернистам, Фет не пробовал, хотя Тургенев, например, шутил, что ждет от него стихов, которые надо будет произносить одним шевелением губ. Фет владел тайной слова. Звучание у него неотделимо от смысла, часто «несказанного», но внятного равнодушному читателю. Слово поэта не просто слово, а, по Фету, «крылатый слова звук». Между прочим, когда сборники своих стихов он составлял сам, особенно заботился, чтобы два одинаковых по стихотворному размеру и количеству строк стихотворения не оказывались рядом. Этим и достигалось впечатление необыкновенного «богатства мелодий».

В ранней лирике Фета мелодии его стихов чаще камерные, интимные. Поздние стихи звучат уже почти органною мощью.

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,

Где веришь, что счастьем не будет конца.

(«Я видел твой млечный, младенческий
волос...», 1884)

Как ни странно, поздняя его лирика в основном любовная. По страстности стихов о любви, написанных 70-летним человеком, Фет, как полагают, почти не имеет себе равных во всей мировой поэзии (вспоминают в этой связи обычно лишь И.В. Гёте).

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завой, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

(«Моего тот безумства желал, кто
смежал...», 1887)

Когда Фета спрашивали, каким образом он, по его собственным словам, «полуразрушенный, полужилец могилы», может так писать о любви, он отвечал просто и, наш взгляд, вполне искренне: «По памяти». А в стихах отрицал власть над собой времени, побежденного силой внутреннего «огня»:

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.
(«Все, все мое, что есть и прежде было...», 1887)

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,

Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.
(«Еще люблю, еще томлюсь...», 1890)

Трудолюбию находящегося в преклонных годах Фета можно удивляться не меньше, чем любовному пылу его старческих стихов.

Последние дни поэта были омрачены тяжелейшими приступами астмы (которой он страдал всю жизнь), и кончина его была странной. О ней со слов очевидицы в 1916 г. в своей книге «Ледоход» рассказал Б.А. Садовской, известный литератор Серебряного века, повсюду собиравший сведения о Фете.

Утром 21 ноября 1892 г. он внезапно пожелал шампанского и отправил жену к доктору за разрешением, потом призвал секретаршу и продиктовал ей записку: «Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному». Подписавшись под этими словами, вдруг схватил со стола ножик для разрезания бумаг. Секретарша ножик отняла и стала звать на помощь. Тогда он бросился бежать по комнатам к шифоньерке, где хранились столовые ножи, не смог открыть дверцу и рухнул на стул со словом «черт!» Глаза его широко раскрылись, будто он увидел что-то страшное, рука поднялась для крестного знамения, и Фет-Шеншин умер.